

ДОКТОР ГАНЦМАХЕР

(рассказ)

В Израиле я работала в женском журнале «Портрет». Хозяйку журнала звали Джоанна. Это была богатая, образованная, взбалмошная, практичная англичанка из газеты «Джерусалем Пост», которая, изучив маркет, поняла, что нужно Израилю. Израилю был нужен женский русский журнал. «Никакой ностальгии по первой родине! Мы у себя в стране, у нас новая жизнь!» - говорила Джоанна. Моей непосредственной начальницей и редактором была журналистка Эмма Сотникова. Фраза о ностальгии относилась, в первую очередь, к ней. Эмма любила все безысходное, русское, под которым она, конечно, понимала питерское. Побывав в Израиле замужем за сионистом и родив от него троих детей, она в следующий раз вышла замуж за питерского писателя Мишу Федотова. Миша тоже работал у нас в журнале, он отвечал за сектор горячих материалов. О нем-то и пойдет речь.

Миша позвонил мне в пол-одиннадцатого.

- Слушай, Джоанка совсем взбесилась!

- Что такое?

- У тебя есть время? Приходи минут на семнадцать-восемнадцать – надо посоветоваться.

Я уже лежала в постели, по телевизору вот-вот должны были начать транслировать из Ливана фильм Бергмана «Фанни и Александр». Я давно мечтала его посмотреть.

- К черту Бергмана, - бесстрастно отвечает он, - я тебе перескажу!

Я поднялась и вышла из дому.

Миша жил неподалеку. Ничем не примечательный снаружи каменный дом, в котором он жил, внутренним устройством напоминал конструкцию, описанную писателем Короленко в повести «Дети подземелья». Помет, как Миша называл свое потомство, состоял из какого-то количества детей от разных браков. Я говорю «какого-то», потому что точного количества детей никто точно не знал, даже сам Миша. У евреев вообще не принято считать детей – Бог дал, надо радоваться. Он и радовался, не пересчитывая, а дети все подтягивались из разных стран под отеческий кров, чтобы счастливо зажить в короленковском подвале. Скажем, на тот момент времени их было штук одиннадцать, и к ним примыкали трое Эмминых.

Миша был в кухне один:

- Днем совершенно невозможно работать! Вот мы сейчас... – говорит он, наливая нам по чашке чифирия. Из чего я заключаю, что семнадцатью-восемнадцатью минутами не обойдется.

- Что происходит? – спрашиваю, оглядываясь.

Кухонный стол завален порнографическими журналами. Какие-то голые бабы. Поверх всего пишущая машинка с заправленным в нее листом бумаги.

- Садись. Вот смотри – шесть способов обновить сексуальную жизнь. Что ты думаешь про это?

Миша произносит «что» по-питерски.

- После десятичасового рабочего дня ничего не думаю, - честно отвечаю я.

- Не умничай, - отвечает он и кладет передо мной журнал «Elle» с соответствующей статьей о сексе. - Джоанка хочет, чтоб я перевел эту похабщину для наших. Завтра отдаем номер в тираж. Над нами будет хохотать весь Израиль!

- Над нами и так хохочет весь Израиль. Ты же писатель-юморист!

Он смеривает меня выразительным взглядом. Очки у него старомодные, с большой черной оправой. В них он похож на филина. То-то, думаю, ему по ночам, не спится.

- Опять умничаешь? Умничать будешь, когда этот вшивый бабский журнал закроется, - ворчливо говорит Миша. - Ну представь себе типичную русскую семью. Скажем, из Винницы. При чем здесь водяные матрасы?

Действительно, думаю при чем, и начинаю читать.

-Ну что? - спрашивает он через какое-то время.

Я молчу. Действительно, похабщина, иначе не назовешь.

Он показывает мне на текст:

- Что мы делаем? Мы даем это под рубрикой «журнал «Elle» рекомендует» и параллельно на широких полях печатаем соображения нашего отечественного сексопатолога. Тонкие, продуманные, с учетом мироощущения русской семьи из Винницы.

Я спросила, где в одиннадцать часов вечера он собирается искать отечественного сексопатолога.

- Идиотка, - отвечает он, - отечественный сексопатолог – это мы. Ты и я.

Фамилию я уже придумал – доктор Ганцмахер.

Должна оговориться, Мише я была многим обязана. Работу в журнале устроил мне Миша. Если бы не он, я бы долго еще мыла полы за девять шекелей в час. В журнале мне положили нормальную (по уцененным русским стандартам) зарплату младшего редактора. Впрочем, в первые два месяца работы полы я тоже мыла. Я приходила на час раньше остальных, надевала большой оранжевый передник, желтые резиновые перчатки и брала в руки розовое пластиковое ведро. В таком костюме до прихода коллег я убирала помещение. Потом переодевалась и садилась редактировать. Скажем, историю про зарождающуюся смешанную семью: он – коренной сабра, футболист из команды «Маккаби», 28 лет, рубашка с пальмами и летающими попугаями, она – бледное, голубоглазое детище Иркутска. На вид ей лет пятнадцать, на еврейку не похожа.

Прочитав, звонила Мише, автору этого горячего материала. Ему в виду многодетности разрешалось работать из дому. Я не решалась спросить Мишу в лоб, еврейка ли невеста. Я начала издали:

- Кто бы мог предположить, что в Иркутске есть евреи...

- Они везде есть. Как плесень. Триста шестьдесят семь тысяч.

Я не сразу поняла, что эти шизофренически точные цифры Миша просто брал из головы.

- Ты уверен, что она это... Джоанна обязательно спросит.

- Еврейка? Чистопородная. Сто сорок восемь процентов. Я проверял.

Мишу редактировать было просто. Там двоеточие, здесь запятая...

Гораздо сложнее обстояло дело с другими авторами. На мой адрес приходили материалы толщиной с роман. Писали все и писали много. Писал бывший экономист с кондитерской фабрики в Киеве и парикмахерша из Львова. Писали доктор сельскохозяйственных наук из Минска и бывший преподаватель народного танца из Баку. Евреи - народ книги. «Уважаемый Господин Капович, - читала я, открыв очередной толстый пакет, доставленный с уведомлением мальчиком-арабом, - «Посылаю Вам мои раздумья о жизни еврейского народа в Старо Урюпинске...» Иногда в журнал приходили стихи про Израиль.

«Маленький такой клочок земли. Пусть сухой, но все-таки шели». «Шели» означает моей. На это тоже надо было отвечать в письменной форме. Таковы были требования Джоанны, которая хотела, чтобы у журнала была обратная связь с читательницами и читателями.

Часам к одиннадцати прибежала Эмма. Мы с Эммой запирались в нашем «отдельном» кабинете и обсуждали текущие дела. Начальство – хозяйка журнала Джоанна и бухгалтер Джим – появлялось в полдень. Когда к начальству приходили какие-нибудь важные гости, меня посылали на кухню делать кофе. Я научилась спрашивать: «вы предпочитаете кофе с сахаром или без сахара». Не скрою, что церемония меня удручала. Однажды, по рассеянности, я сыпанула в кофе три ложки соли. То что, директор банка «Леуми» ушел, не дав журналу рекламы, скорее всего, не имело ко мне отношения, но я, на всякий случай, уже обдумывала, куда идти. Снова мыть полы или устраиваться няней в многодетную семью? Я знала одну, жили в соседнем доме, очень религиозные. Джоанна весь день хмурилась, мытье полов и подача кофе были переданы смышленной двадцатипятилетней корректорше Дине. А со мной поступили так. Меня повысили. Джоанна вызвала меня в кабинет и сказала, что отныне я буду зам редактора по литературной части. На зарплате это, впрочем, не сказалось. Но вернемся к Мише.

Короче, пока я читаю «шесть способов», Миша уже что-то быстро выстукивает двумя пальцами, иногда взглядывая на меня запотевшими стеклами. Читаю я, значит, и воображение мое начинает разгораться. Ну, во-первых, по поводу спонтанного секса в гостинной. Это был способ первый. При свечах, на ковре, с легкой музыкой в радио колонках.

- Говори, что сразу приходит в голову. Это и есть самое верное! Только не умничай, – предупреждает Миша.

Он сходу придает моим соображениям художественную форму. «Доктор Ганцмахер в целом согласен, что такое может оживить чувства супругов, но, к сожалению, такой оживляж небезопасен. Брачующиеся могут случайно

разбудить бабушку, спящую на раскладушке в углу гостиной. Племянников, ночующих на кухне. Доктор Ганцмахер считает, что к первому способу не стоит прибегать, но если уж приспичит, то лучше тогда без свечей. Музыка тоже отменяется. Даже приглушенная. Никакой музыки. Бабушке с вечера двойную порцию снотворного. Племянникам – по рюмке вина.

На втором способе мы оба тормознулись. Секс в ночной парадной после питерского «парадняка» звучал как несообразный детский лепет. Как стрельба в тире для тех, кто ходил на медведей. Доктор Ганцмахер порекомендовал заменить парадную газоном. Израильтяне очень ухаживают за своими газонами. Газон и в других отношениях интересней – ближе к природе. Проверить часы работы оросительной системы и - вперед.

Насчет третьего способа с водяными матрасами поправка целиком принадлежала Мише. Про пластиковые мешки на сохнутых матрасах. Такие матрасы нам выдавались в пользование до прихода наших контейнеров с мебелью. Их, в принципе, можно было накачать водой.

Я лично горжусь комментарием к способу с эротическим фильмом.

- Скажи что-нибудь афористичное! – потребовал Миша, застыв надо мной с третьей чашкой чая в руке.

- Панасоник убивает либидо!

Миша сел за машинку и застучал.

- Можешь ведь, когда не умничаешь!

К шести утра статья готова. Мы с Мишей устало откидываемся на шатких стульях, принесенных детьми с помойки, и Миша говорит:

- Если Джоанка спросит, что тут написано, скажи что-нибудь умное. Что материал был прокомментирован серьезным аналитиком...

В среду вечером вышел номер с нашей статьей. Уже в девять утра телефон звонил, не переставая. Мы с Эммой только успевали перехватывать трубки, чтобы наши бабоньки не пробились к начальству. Где-то мы все же упустили пару звонков. Джоанна ворвалась в наш кабинет. В ярости Джоанна напоминает снежного барса.

- Я хочу дословно знать, что написал этот Ганцмейстер! – говорит она с каким-то шипящим холодом в голосе

- Ганцмахер, - машинально поправляю я.

Она скашивает на меня разъяренные глаза, и я понимаю, что никакие объяснения тут не помогут. Пойду няней, подумала я. Эта мать семерых детей опять ходит беременная. Это очень своевременно.

Я посмотрела на Эмму: она, как ни в чем не бывало, правит заметку о театре.

Оторвать ее могло только сообщение о новой войне в Персидском заливе.

Война, кстати, только закончилась.

- Я хочу с ним увидеться! Где он живет? – продолжает шипеть Джоанна, хватая с моего стола и бросая в воздух страницы для набора.

Больше всего мне хочется провалиться сквозь землю и очнуться где-нибудь в

Иркутске.

- Вот это, к сожалению, устроить невозможно, - отвечает ей Эмма.

Далее мне предлагается выйти из кабинета, что я с благодарной трусостью и делаю.

Я потопталась в коридоре. Не то чтобы я подслушивала – этого не требовалось. Сначала из-за двери доносились два накаленных голоса, но постепенно второй, Джоаннин, стал затихать. Захожу в комнату к художницам. Вид занятых делом людей всегда меня успокаивает. А сабры вообще спокойны, от природы и ввиду места жительства. В первый день войны в Персидском заливе я полюбопытствовала у соседки, коренной израильтянки, спускалась ли она в бомбоубежище или, как мы, сидела дома в противогазе. «А я, деточка, даже не просыпалась», - ответила она. Или взять хоть моего друга Мишу Генделева. Он, хотя и не сабра, но прожив в Израиле много лет и побывав на трех войнах, тоже стал спокоен. Когда война только ожидалась, я спросила у него, что теперь с нами будет, если они все-таки начнут забрасывать нас ракетами. «С нами все будет прекрасно, - ответил он беззаботно. – А вот с ними будет херово». И пояснил. «Ты пойми, с кем мы имеем дело. У этих мудаков корявые не только головы, но и руки. Если они даже сумеют вставить ракету, куда нужно, то все равно ебнут ее себе на голову».

Художницы продолжают работать а я сажусь на угол стола и – лишних стульев у художниц нет – и закуриваю.

- Разнос? – спрашивает Шломит.

Я киваю.

- Аколь ие беседер. Все будет хорошо, - говорит вторая художница Шошана. Через пятнадцать минут мы слышим колебание воздуха. Джоанна вошла в дверь, широкая улыбка светилась на ее лице. Далее слушайте (клянусь, так оно и было), происходит следующее. Подходя ко мне все с той же светящейся улыбкой, Джоанна проводит ладонью по моей голени.

- Колаковот, – говорит она мне, то есть, молодец. Акцент у нее чудовищный, но это слово я понимаю..

Я вообще не люблю похвалы начальства. Мне всегда кажется, что начальство, если и хвалит меня, то по ошибке. Потом, когда разъяснится, будет еще хуже. Но Джоанна продолжает улыбаться и рассматривать мои ноги. Потом она поворачивается к Эмме и что-то говорит на иврите, чего я уже не понимаю.

На моем столе пепельница была переполнена окровавленными окурками. Я подождала, пока Эмма закроет дверь, и поинтересовалась положением:

- Мы с Федотовым не уволены?

Эмма удивилась.

- С чего бы вдруг вас увольняли?

- Как с чего? А Статья?

- Вот, - продолжает Эмма какой-то монолог в своей голове, - я ей говорю: ты что психуешь? Скандал - лучшая реклама!

- А она?

- А что она? Номер-то раскуплен.

Эмма достает из сумочки два обтянутых пластиковой пленкой бутерброда, один протягивает мне. Я беру, но еда не лезет мне в горло. Что-то продолжает меня мучить: Наконец я понимаю:

- А при чем здесь мои ноги?

- Пришли два филлиповских эпилятора, - отвечает Эмма, жуя. – Джоанна дает тебе один в качестве премиальных.

- На хрена мне филлиповский эпилятор? – изумляюсь я.

Вопрос резонный, Эмма задумывается.

- Все равно бери, - говорит она наконец. Филлиповский эпилятор – лучший подарок для наших баб. Отдашь Генделеву, он будет счастлив. Вокруг него вьется много знойных девушек!

1999